ГОДЪ КІЕВСКІЯ XLI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ

1902 года. № 15. 1 Августа.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Книга „Требникъ“ и ея значеніе въ жизни православнаго христіанина. (По поводу новѣйшихъ воззрѣній на эту книгу [1]).

Къ такого-то рода нелѣпымъ молитвамъ и заговорамъ относятъ молитвы и обряды нашего Требника нашъ великій писатель и его послѣдователи. Но есть ли въ этомъ хоть какая нибудь доля правды, научной добросовѣстности и безпристрастія со стороны противниковъ данной церковно-богослужебной книги? Обстоятельный анализъ содержанія тѣхъ молитвъ и обрядовъ, противъ которыхъ такъ безпощадно вооружается въ своей „новой исповѣди“ нашъ великій писатель,—вотъ, по нашему мнѣнію, лучшій и прямой отвѣтъ на поставленный вопросъ. Пусть факты, такъ сказать, говорятъ сами за себя.

Высокое призваніе женщины, указанное ей Творцомъ въ раю словами: *множитеся и наполняйте землю* (Быт. I, 28), было омрачено, на первыхъ же порахъ существованія на

[1]) Продолженіе. См. № 13-й Кіев. Еп. Вѣд.

землѣ человѣка, тяжелымъ наказаніемъ. За преступленіе заповѣди Божіей въ раю, женщина получила отъ Бога такой приговоръ: „*Умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя: въ болѣзняхъ родиши чада*“ (III, 16). И мы наблюдаемъ повседневно, какими тяжелыми страданіями тѣлесными и душевными сопровождается для женщины весь періодъ ея плодоношенія. Но эти болѣзни и муки только лишь предвѣстники болѣе тяжелыхъ физическихъ страданій, которыя переживаетъ женщина въ моментъ акта рожденія. Въ это время, когда весьма нерѣдко виситъ на волосъ отъ смерти жизнь родильницы и рождаемаго, среди окружающихъ больную близкихъ людей, исчерпавшихъ уже всѣ человѣческія усилія для облегченія страданій ея, царятъ, нерѣдко, полное уныніе и душевныя тревоги, причиняющія имъ не менѣе тяжелыя нравственныя страданія. Но вотъ раздается крикъ рождаемаго дитяти—этотъ первый привѣтъ, хотя и прекрасному, но исполненному скорбей и воздыханій нашему міру,—и прежній страхъ у всѣхъ исчезаетъ и смѣняется самою свѣтлою радостію. Естественно вполнѣ объятому чувствомъ глубокаго удовлетворенія христіанскому семейству раздѣлить свою радость съ своею Матерью св. Церковью, которая всегда отзывчива на призывъ своихъ истинныхъ чадъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ жизни они ни находились. Пастырь Церкви спѣшитъ къ одру болящей въ самый „первый день, по внегда родити женѣ отроча“, на призывъ вѣрующихъ и молитъ Вседержителя Господа, исцѣлителя всякаго недуга и всякой болѣзни, чтобы Онъ родившую рабу „исцѣлилъ, возставилъ отъ одра болѣзни, на немъ же лежитъ“, простилъ ей „вольныя и невольныя ея прегрѣшенія, сохранилъ отъ всякаго діавольскаго мучительства“, „здравіе и благомощіе души и тѣлу даровалъ, *ангелы свѣтлыми и* сіяющими ее оградилъ“, соблюлъ „отъ недуга и слабости, отъ ревности и зависти, и отъ очесъ презора“, очистилъ „отъ тѣлесныя скверны“ и „отъ различныхъ утробныхъ стуженій“ и

привелъ Своею милостію „во смиренномъ ея тѣлѣ въ исправленіе“. Не забыты въ этихъ молитвахъ новорожденный— предметъ ожиданій и надеждъ, о которомъ проситъ пастырь церкви Бога, чтобы Онъ сохранилъ его „отъ всякаго яда, отъ всякія лютости, отъ всякія бури сопротивнаго, отъ духовъ лукавыхъ, дневныхъ же и нощныхъ“ и сподобилъ „поклонитися земному храму, его же уготовалъ еси славословитися имени Твоему святому“; не забыты бабка и женщины, присутствовавшія при рожденіи и прикоснувшіяся родильницѣ, и даже домъ, „въ немъ же родися отроча“. Для всѣхъ ихъ испрашиваетъ св. Церковь прощенія грѣховъ и милостей отъ богатыхъ щедротъ Спасителя, изволившаго родитися на землѣ отъ пресвятыя Дѣвы Маріи.

Не менѣе возвышенны по содержанію и молитвы „женѣ родильницѣ, по четыредесяти днехъ“, которыя читаются пастыремъ церкви надъ женщиною, чтобы она, выражаясь языкомъ нашего писателя, „перестала быть нечистою“. Въ этихъ молитвахъ св. Церковь молитъ Господа Іисуса Христа очистить „отъ всякаго грѣха и отъ всякія скверны приходящую къ Твоей церкви, да неосужденно сподобится причаститися святыхъ твоихъ Таинъ“ и удостоить „честнымъ пресвитерствомъ входа въ храмъ славы Его“.

Средство для полученія царства небеснаго указано Самимъ Христомъ Спасителемъ: «*Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе*». (Іоаннъ, III, 5). Но недостаточно еще для этого одного таинства крещенія, или, какъ выражается нашъ писатель,—„*умѣнья* помазать его (т. е. младенца) масломъ и *выкупать* съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ“, а необходимо имѣть вѣру въ спасительную силу таинства крещенія. «*Иже вѣру иметъ и крестится*, по словамъ Спасителя, *спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ*» (Марк. XVI, 16). Формула таинства крещенія или слова, произносимыя священникомъ,

при погруженіи крещаемаго, указаны въ Евангеліи Самимъ Господомъ. „*Шедше научите вся языки*, говорилъ Іисусъ Христосъ Своимъ ученикамъ по воскресеніи, *крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*“ (Матѳ. XXVIII, 19). Отступающихъ отъ этой формулы правила апостольскія строго караютъ. „Аще кто, епископъ или пресвитеръ, креститъ не по Господню учрежденію во имя Отца и Сына и Святаго Духа, говоритъ 49 правило апостольское, да будетъ изверженъ“. Что же касается помазанія *масломъ*, ближе къ истинѣ—*елеемъ*, то на этотъ предметъ отъ пастыря церкви уже не требуется никакого *умѣнія*. Въ древности, въ Церкви Христіанской помазывали елеемъ не только пресвитеры, но даже діаконы, воспріемники и бабка, помазывали не только опредѣленныя части тѣла младенца, но и все его тѣло. Цѣль установленія этого обычая въ Церкви Христовой—не заклинательная, волшебная, что̀ чудится всюду нашему писателю, но „во исцѣленіе души и тѣла“, „въ *слышаніе вѣры* Христовой“, „*во еже ходити ему по стопамъ заповѣдей Твоихъ*“. Обрядомъ этимъ св. Церковь желаетъ показать вѣрующимъ, что изъ каждаго новаго своего члена она приготовляетъ добраго воина для борьбы со всякаго рода врагами и особенно съ врагомъ нашего спасенія діаволомъ, который, „яко левъ рыкая ходитъ, *искій кого поглотити*“, (I Петр. V, 8), а поэтому, подобно атлету древности, приготовлявшемуся такимъ образомъ къ состязаніямъ и борьбѣ на аренѣ, умащаетъ тѣло его елеемъ.

Итакъ, въ ученіи Церкви о таинствѣ крещенія—единственномъ изъ таинствъ, подвергнутымъ нашимъ писателемъ не голословному осужденію, а съ указаніями на факты, мы не находимъ „ничего низменнаго, грубаго, несоотвѣтствующаго понятію о Богѣ и христіанскому ученію“, никакого „колдовства“, а тѣмъ болѣе „нарушенія прямыхъ указаній Евангелія“.

Но нашъ Требникъ, какъ мы сказали, обнимаетъ самыя разнообразныя стороны жизни и дѣятельности православнаго христіанина, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, какихъ-либо „пріемовъ колдовства“ и „грубыхъ суевѣрій“ въ другихъ молитвахъ его, указанныхъ нашимъ писателемъ?

Въ молитвѣ, напр., „егда, кто имать внити въ домъ новъ“, пастырь церкви проситъ Спасителя міра, не возгнушавшагося войти въ домъ мытаря Закхея, „всѣхъ, здѣ жити восхотѣвшихъ и недостойныхъ, мольбы Тебѣ и моленія приносящихъ“, отъ всякаго вреда соблюсти, „благословляя тѣхъ здѣ жилище, и ненавѣтенъ тѣхъ животъ сохраняяй“.

Въ молитвѣ „*о храминѣ стужаемѣ отъ злыхъ духовъ*“, Церковь проситъ Господа, чтобы Онъ „въ бѣгство претворилъ всякое діавольское дѣйство, и всякое сатанинское нахожденіе, всякій навѣтъ сопротивныя и належащія силы отъ крова сего, и отъ одержимыхъ отъ него, и отъ обходящихъ подъ нимъ, *знаменіе страшныя на демоновъ побѣды креста твоего носящихъ и призывающихъ имя твое благое*“, молитъ, чтобы Онъ, Владыка, „крѣпкая стѣно уповающихъ“ и „надежду возлагающихъ“—„вышши всякаго вреда и искушенія сущыя въ дому семъ сохранилъ, избавляя ихъ отъ страха нощнаго и стрѣлы, летящія во дни, отъ вещи, во тмѣ преходящія, отъ сряща и демона полуденнаго: да твои раби, твоя рабыни и младенцы, *твоея наслаждающеся помощи, и ангельскимъ воинствомъ храними*, яко единъ вси въ единомысліи вѣрно поютъ: Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ; и паки: не убоюся зла, яко Ты со мною еси“.

Молитва „надъ сѣяніемъ“ (ржи, пшеницы и другихъ плодовъ) такъ возвышенна по идеѣ, положенной въ основу ея, и такъ глубоко-назидательна по мыслямъ, что мы просимъ позволенія привести ея текстъ здѣсь въ цѣльномъ видѣ:

„Господи Боже нашъ, отъ пречистыя и пребогатыя длани твоея, предлежащее предъ очима твоима сѣменъ подаяніе

принесохомъ, Владыко, и сему Тебѣ вручитися молимся: не бо смѣяхомъ въ бездушныхъ земли нѣдрѣхъ заключити сія, аще не воззримъ на повелѣніе Твоего величества, повелѣвающее родити, и прозябати земли, и дати сѣмена сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь. И нынѣ молимся Тебѣ, Боже нашъ, услыши ны молящыяся Тебѣ, и отверзи намъ сокровище твое великое, и благое, и небесное: излей благословеніе твое, донелѣже удовлимся, по неложнымъ твоимъ обѣщаніемъ. И отжени отъ насъ вся снѣдающая плодъ нашъ земный, и всякое наказаніе, праведно наводимое на ны, грѣхъ ради нашихъ: и богатыя твоя щедроты низпосли на вся люди твоя".

Въ „послѣдованіи въ бездождіе" во всѣхъ семи молитвахъ, составленныхъ Каллистомъ, патріархомъ константинопольскимъ, мы умоляемъ Владыку всѣхъ, согрѣшенія наши презрѣвъ, „дожди твоя низпосли на требующія и просящія мѣста: возвесели лице земли, нищихъ ради людей твоихъ, и младенцовъ, и скотовъ, и иныхъ всѣхъ: зане къ Тебѣ чаютъ, еже дати пищу имъ во благо время" .

Молитвы эти исполнены глубокаго сокрушенія во грѣхахъ и самообличенія. „Мы толико облагодѣтельствовани бывше", говорится въ третьей молитвѣ, „якоже врази представихомся: и Тебе благодѣтеля заповѣди презрѣхомъ, и житіе порочно, и мысль скверну и нечисту стяжахомъ: и не точію твою любовь отвергохомъ, но и якоже звѣріе другъ на друга носимся, и плоти друга друга снѣдаемъ лихоимственными образы и неправеднымъ произволеніемъ нашимъ. Како убо достоини есмы твоихъ благодѣтельствъ воспріяти: Ты бо праведенъ, мы неправедніи; Ты любиши, мы враждуемъ; Ты благоутробенъ, мы неблагоутробни; Ты благодѣтель, мы хищницы"... Но „на неизслѣдимое твое милосердіе и непамятозлобную утробу твою дерзающе, приступаемъ къ Тебѣ, благодѣтелю, неразумніи и неблагодарніи: не предаждь грѣхъ ради нашихъ въ руцѣ сухости, ниже беззаконій ради нашихъ, сокруши нась узами глада,

но благости ради твоея, подаждь земли, юже опредѣлилъ еси, и наслѣдію твоему, дождь воленъ, и исполни нѣдра земная живородными твоими водами"... „милостію твоею посѣти ю, и водными облаки воздухъ благораствори, и богатымъ твоимъ дождемъ землю ороси, и прозябенія ея оживи, и возвѣяніемъ добрѣйшихъ вѣтровъ плоды цѣлы и полны сотвори, и умножи я благоутробіемъ твоимъ".

„Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ," взываетъ въ четвертой молитвѣ душа страждущая отъ засухи, „помяни, яко дѣла руку твоею есмы, вонми неможенію естества нашего, яко Ты сотворилъ еси насъ: виждь птицъ стенаніе, скотовъ вопіеніе, младенческій плачъ, юношъ вопль, старыхъ окаянство, сиротъ лишеніе, вдовицъ уединеніе, убогихъ недостаточество, и всѣхъ людей твоихъ молебный гласъ, и посѣти землю и упой ю тучными дожди, мокроты бо лишающіяся, своимъ убо прозебеніемъ увяденіе, человѣкомъ же и скотомъ пагубою претитъ".

Тѣ же мысли и прошенія составляютъ содержаніе и прочихъ трехъ молитвъ „о сухости бездождія".

(Продолженіе будетъ).

А. Дмитріевскій.

Обезпеченіе духовенства путемъ взаимопомощи[1]).

IV. *Заключеніе.*

Послѣ разсмотрѣнія и обсужденія всѣхъ высказанныхъ на страницахъ нашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей проектовъ, остается спросить: какой же изъ нихъ избрать какъ наилучшій, и на какомъ остановиться, какъ на болѣе всѣхъ выгодномъ, цѣлесообразномъ и удобопримѣнимомъ? Отвѣчая

[1]) См. № 5 Кіевск. Еп. Вѣд. за 1902 годъ.

на этотъ вопросъ, мы должны сказать, что ни одинъ изъ сказанныхъ проектовъ не содержитъ *полнаго рѣшенія* дѣла, и ни одинъ не указываетъ *обстоятельнаго способа* своего выполненія. Вслѣдствіе сего необходимымъ является для рѣшенія вопроса, поставленнаго въ заглавіи настоящей статьи, употребить эклектическій методъ, т. е. извлечь изъ предложенныхъ проектовъ то, что болѣе всего соотвѣтствуетъ цѣлямъ и характеру предлагаемаго дѣла, воспользоваться опытомъ по веденію дѣла нынѣшней взаимовспомогательной кассы за истекшій 8-лѣтній ея періодъ, скомбинировать все это и дополнить его нѣкоторыми существенными данными, заимствованными хотя бы изъ практики какъ вспомогательныхъ кассъ другихъ епархій, такъ и учрежденія подобнаго рода, уже дѣйствующаго много лѣтъ въ сосѣдней намъ, Каменецъ-Подольской епархіи. Прибѣгать же къ извѣстнаго рода заимствованіямъ въ данномъ случаѣ мы считаемъ мѣрой не лишней потому, что многое изъ интересующаго насъ по разрабатываемаму вопросу уже продумано, обсуждено духовенствомъ другихъ епархій, введено въ жизнь и много лѣтъ даетъ осязательные результаты, являясь для насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ „америкой“, открывать которую намъ нѣтъ надобности.

Та форма обезпеченія, которую мы намѣрены предложитъ читателямъ, зиждется на слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ.

1) Вмѣсто существующаго „взаимовспомогательнаго общества духовенства Кіевской епархіи“ вводится „взаимо-страховое общество“ *съ двумя цѣлями: выдачи страховыхъ капиталовъ и выдачи пособій.* Къ образовавшемуся, до времени введенія проектируемаго страхованія, капиталу взаимовспомогательнаго общества добавляется изъ суммъ епархіальнаго попечительства такая цыфра, чтобы получилось *300.000 руб.*, которые должны оставаться вѣчнымъ, абсолютно неприкосновеннымъ, фондомъ для операцій взаимнаго страхованія.

2) Предлагаемая форма обезпеченія, т. е. „взаимо-страховое общество“, *предпочтительнѣе иныхъ формъ*, такъ какъ страхованіе имѣетъ характеръ болѣе обширный, чѣмъ, напримѣръ, похоронная касса: послѣдняя оказываетъ пособіе только въ случаѣ смерти и совершенно не имѣетъ въ виду выходящихъ за штатъ и безмѣстныхъ священно и церковно-служителей; страхованіе же должно будетъ поддержать, въ той или другой степени, всѣхъ безъ исключенія участвующихъ и ихъ семейства.

3) Епархіальное взаимное страхованіе должно быть введено *не для однихъ только священниковъ, а для діаконовъ и псаломщиковъ*: этого требуетъ какъ самая идея „коллективности“, такъ и практическая польза введенія дѣла, ибо—при участіи въ немъ всѣхъ служителей церкви оно будетъ располагать бо́льшими средствами; при этомъ возможные перерасходы противъ исчисленій по страхованію одного класса участниковъ могутъ быть покрыты возможными остатками по другому классу.

4) *Суммы страховыхъ премій должны быть назначены минимальныя, а страховыя выдачи—максимальныя*, руководствуясь при опредѣленіи тѣхъ и другихъ точными статистическими данными; при этомъ исчисленія должны быть сдѣланы „съ запасомъ“, хотя бы и небольшимъ, для того, чтобы этими излишками или покрывать могущіе неожиданно увеличиться расходы въ дѣлѣ, или изъ нихъ образовывать особый фондъ, который бы служилъ резервомъ веденія дѣла учреждаемаго страхованія.

5) Для облегченія долголѣтнихъ плательщиковъ во взаимно-страховую кассу можно установить *пониженіе страховыхъ премій чрезъ извѣстное число лѣтъ, а послѣ достиженія плательщикомъ, напр. 75 лѣтъ, платежъ премій можетъ быть совершенно прекращенъ*. Тѣ же лица, которымъ при введеніи взаимнаго страхованія будетъ болѣе 40 лѣтъ, должны вно-

сить платежи на 25% болѣе начальныхъ, а имѣющія болѣе 60 лѣтъ вносятъ платежи на 50% болѣе начальныхъ.

6) Страховые сборы должны быть производимы *обязательно къ началу года* (*до 1-го января*) *и притомъ сразу за цѣлый годъ*, чтобы взаимно-страховому обществу имѣть возможность пользоваться процентами на страховой капиталъ въ теченіи цѣлаго же года, и чтобы ему не оказаться въ затрудненіи выплатить положенныя страховыя суммы въ первые же мѣсяцы года.

7) Какъ заштатнымъ участникамъ во взаимномъ страхованіи, такъ и семьямъ умершихъ лицъ должно быть предоставлено *право получать, по ихъ желанію всю страховую сумму, имъ причитающуюся, или сразу или по частямъ въ извѣстное число лѣтъ*.

8) Участники взаимнаго страхованія, взнесшіе страховыя преміи менѣе чѣмъ за 15 лѣтъ, получаютъ сами (а также наслѣдники ихъ) лишь половину (50%) страхового капитала. *Но вдовамъ такихъ страхователей дозволяется продолжать вносить страховыя мужей своихъ преміи*, съ цѣлью пріобрѣсти право своимъ непристроеннымъ дѣтямъ на полученіе какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ пособій. По достиженіи такими вдовами 65 лѣтъ, платежъ ими премій прекращается.

9) Кромѣ выдачи страхового капитала, управленіе будущаго общества взаимнаго страхованія можетъ выдавать *постоянныя пособія дѣтямъ вкладчиковъ*. Право на такія пособія (по характеру своему подходящія подъ эмеритурныя) имѣютъ только дѣти—а) учащіяся, б) безмѣстныя, нигдѣ на службѣ не находящіяся, до гражданскаго совершеннолѣтія, в) калѣки и душевно больныя. Кромѣ такихъ, постоянныхъ, пособій *могутъ быть выдаваемы, въ особо экстренныхъ случаяхъ, временныя пособія* и тѣмъ же дѣтямъ, которыя только что перечислены, и вообще бѣднымъ членамъ семействъ страхователей, по удостовѣреніямъ благочинническихъ совѣтовъ,

—въ зависимости сихъ выдачъ отъ наличности денежныхъ остатковъ къ концу операціоннаго года.

10) Независимо сихъ выдачъ, *долженъ быть продолженъ возвратъ взносовъ тѣмъ вкладчикамъ (и ихъ семействамъ)*, которые послужили „фундаторами“ для образованія 250000-го капитала взаимно вспомогательной кассы. Возвратъ сихъ взносовъ, безъ процентовъ, продолжается до тѣхъ поръ, пока не сойдутъ съ жизненной сцены всѣ вкладчики, собиравшіе капиталъ въ теченіи первыхъ 10-ти лѣтъ существованія этой кассы. (*Окончаніе слѣдуетъ*).

Валеріанъ Костецкій.

Матеріальное положеніе преподавателей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно семинаріи, Кіевской епархіи.

(*Окончаніе* [1]).

Самымъ крупнымъ расходомъ въ бюджетѣ преподавателей Кіевской духовной Семинарій является наемъ квартиры. Въ настоящее время цѣны за кварипы быстро возрастаютъ во всѣхъ концахъ города, не смотря на то, что онѣ и такъ уже крайне высоки. Цѣны на квартиры на Подолѣ таковы: квартира изъ двухъ комнатъ безъ отопленія отъ 240 рублей до 325 р.; изъ трехъ комнатъ—всегда уже безъ отопленія—отъ 300 до 400 рублей; изъ 4-хъ—отъ 360 до 450 руб. и далѣе, постоянно возрастая на 100 рублей за каждую лишнюю комнату. Устройство гавани и вообще развитіе торговли и увеличеніе еврейскаго населенія постоянно поднимаютъ цѣны на квартиры все выше и выше. На „Старомъ Городѣ“ цѣны на квартиры еще выше приблизительно %% на 10 и 15. Говоря о дороговизнѣ квартиръ на „Старомъ Городѣ“, мы имѣемъ въ виду не центральныя мѣстности, а

---

[1]) См. Кіев. Еп. Вѣд. 1902 г. № 6.

улицы этой части почти окрайныя. Предположенія о томъ, что городская желѣзная дорога, соединивши пригороднія мѣстности съ центромъ города и разсѣявши народонаселеніе по этимъ окраинамъ, будетъ способствовать удешевленію цѣнъ на квартиры, хотя бы въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ учебнымъ заведеніямъ, не оправдались, дорога оказала вліяніе только въ томъ отношеніи, что способствовала поднятію цѣнъ на недвижимыя имущества и квартиры на этихъ окраинахъ и въ пригородныхъ мѣстностяхъ.

Вопросъ о дороговизнѣ квартиръ для учительствующихъ, особенно рѣзко поставленный въ настоящее время экономическою жизнью въ г. Кіевѣ, давно уже и во многихъ городахъ возбуждалъ и возбуждаетъ вниманіе къ себѣ со стороны мѣстныхъ епархіальныхъ властей и епархіальнаго духовенства. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даже сдѣланны уже попытки разрѣшить его въ смыслѣ облегченія матеріальнаго положенія преподавателей духовныхъ учебныхъ заведеній. Такъ, въ С.-Петербургѣ, Виѳаніи, Одессѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, при семинаріяхъ Таврической и Воронежской существуютъ безплатныя квартиры для преподавателей. Въ Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, въ Донской семинаріи, а въ послѣднее время въ Екатеринославѣ, Полтавѣ и нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ выдаются или изъ суммъ Св. Синода, или отъ духовенства квартирныя пособія, при чемъ эти пособія достигаютъ до 400 руб. (въ Рижской, Донской и Одесской). Въ Воронежѣ существуетъ такой способъ помощи преподавателямъ: при вновь устроенномъ общежитіи для воспитанниковъ семинаріи существуютъ небольшія квартиры для преподавателей; этими квартирами послѣдніе пользуются безплатно, но за то несутъ обязанности инспекторскаго надзора съ добавочнымъ вознагражденіемъ за этотъ трудъ по 150 руб. въ годъ. Если въ такихъ городахъ, какъ Рига, Вильно, Новочеркаскъ, Полтава, Екатеринославъ, Воронежъ, признано, что существующія тамъ цѣны на квартиры

высоки для преподавательскаго персонала, то тѣмъ болѣе это надо признать для Кіева, гдѣ цѣны на квартиры и вообще вся жизнь несравненно дороже. Вопросъ о дороговизнѣ жизни для преподавателей Кіевской духовной семинаріи возбуждался Правленіемъ семинаріи еще въ 1885 году. Уже тогда дороговизна жизни сравнительно съ предшествующимъ временемъ была настолько велика, что совершенно парализовала только что (съ 1878 г.) состоявшееся возвышеніе окладовъ преподавателей.

При разсужденіи о томъ, достаточны ли современные оклады жалованья для преподавателей духовныхъ учебныхъ заведеній, обыкновенно берется сравненіе этого оклада съ прежними, а равно съ окладами жалованья, установлонными для преподавателей другихъ вѣдомствъ,—Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Императрицы Маріи. Сравненіе это должно привести къ совершенно отрицательнымъ выводамъ. Такъ до 1878 года казенный окладъ жалованья равнялся 257 руб., а теперешній—750 и 900 руб.; разница какъ будто немалая въ пользу послѣдняго оклада. На самомъ же дѣлѣ оказывается слѣдующее: къ казенному складу въ Кіевской семинаріи въ то время присоединялась епархіальная прибавка въ 347 руб., квартирное пособіе въ 110 руб., классный окладъ по степени магистра, каковыхъ тогда было больше, чѣмъ теперь, въ 100 р. 10 коп. и по степени кандидата въ 71 р. 50 коп., такъ что общая сумма жалованья, получавшаяся преподавателемъ семинаріи, равнялась, если преподаватель имѣлъ степень кандидата,—785 р. 50 коп.: а если онъ магистръ—814 р. 10 коп. И такое жалованье получалось преподавателями при несравненно меньшемъ количествѣ уроковъ: въ настоящее время менѣе 12 уроковъ почти нѣтъ ни у одного преподавателя, а въ былыя времена уроковъ было не болѣе 7, что давало возможность имѣть преподавателямъ болѣе сверхштатныхъ уроковъ въ самой семинаріи, чѣмъ это

теперь бываетъ, а равно свободно занимать уроки въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Насколько уменьшилось количество дополнительныхъ уроковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: на 1879 г. (первый годъ полнаго дѣйствіи устава 1867 г. въ Кіевской семинаріи) на вознагражденіе за дополнительные уроки было назначено по смѣтѣ въ общей сложности 2115 р. 49 к., а на 1886 г. (первый годъ полнаго дѣйствія устава 1884 года) исчислено было только 1127 р. 42 коп. Вообще это сравненіе окладовъ до 1878 г. и теперешнихъ приводитъ къ тому выводу, что жалованье преподавателямъ семинаріи въ сущности почти не измѣнилось, хотя условія жизни измѣнились самымъ существеннымъ образомъ. Къ такимъ же выводамъ должно привести насъ и сравненіе окладовъ жалованья преподавателямъ семинаріи съ жалованьемъ учителямъ Гимназій и Вѣдомства Императрицы Маріи. Въ послѣднее время положеніе первыхъ, по видимому уравнено съ положеніемъ вторыхъ: въ семинаріяхъ, какъ и въ гимназіяхъ,—штатное жалованье установлено для непрослуживших пятилѣтія въ 750 р., для прослужившихъ этотъ срокъ—въ 900р., и потомъ установлены старшіе оклады въ 1250 и въ 1500 р. за 12 уроковъ. Но не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, насколько удовлетворительно обезпечены своимъ жалованьемъ учителя гимназій и не ведетъ ли ихъ не всегда достаточное обезпеченіе къ разнаго рода нежелательнымъ явленіямъ въ области учительской и воспитательной,—мы все таки должны признать, что ихъ матеріальное положеніе во многихъ отношеніяхъ лучше обставлено. Мы въ данномъ случаѣ не говоримъ объ окладахъ въ 1250 и въ 1500 руб., такъ какъ это удѣлъ слишкомъ немногихъ преподавателей, какъ въ духовныхъ семинаріяхъ, такъ и въ гимназіяхъ, хотя въ послѣднихъ окладъ въ 1200 р. de jure распространяется на большее число преподавателей, чѣмъ въ семинаріяхъ. Беремъ оклады въ 750 р. и 900 р. Къ этимъ окладамъ у насъ въ семина-

ріяхъ возможна прибавка самое большее въ 360 р. въ годъ, такъ какъ количество дополнительныхъ уроковъ у насъ возможно отъ 2 до 6. Въ гимназіяхъ каждый преподаватель можетъ имѣть сверхъ 12 штатныхъ уроковъ еще 12, а въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ до 30 уроковъ въ недѣлю и при томъ въ своемъ учебномъ заведеніи; потомъ, преподаватели гимназіи получаютъ особое вознагражденіе за чтеніе сочиненій отъ 100 до 200 руб., а также по званію классныхъ наставниковъ по 100 и болѣе рублей въ годъ; въ гимназіяхъ и въ Вѣдомствѣ Императрицы Маріи существуетъ какъ бы въ видѣ закона обычай черезъ извѣстные промежутки времени давать преподавателямъ денежныя награды, достигающія во многихъ случаяхъ, если ихъ разложить погодно, до 100 и 150 р.; наконецъ, преподаватели гимназій и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній на случай болѣзни и необходимости долговременнаго и дорогаго лѣченія всегда могутъ разсчитывать на пособіе изъ тѣхъ или другихъ суммъ. Излишне говорить, что всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, облегчающихъ положеніе преподавателей, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ.

Существующіе способы улучшенія матеріальнаго положенія преподавателей можно раздѣлить на два вида: посредствомъ выдачи денежнаго пособія на квартиры отъ Св. Синода и духовенства и посредствомъ устройства квартиръ для нихъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію возможности осуществленія каждой изъ двухъ послѣднихъ формъ, нельзя не признать, что наиболѣе удобна, осуществима и потому желательна послѣдняя форма, т. е., устройство для преподавателей квартиръ. Духовенство Кіевской Епархіи, насколько возможно судить по тѣмъ расходамъ, которые оно несетъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній и по благоустройству зданій для нихъ, будетъ вѣроятно въ затрудненіи принять на себя еще такой немаловажный расходъ, какъ выдача денежныхъ посо-

бій преподавателямъ семинаріи, притомъ этотъ видъ пособій всегда носитъ характеръ случайности и ставитъ преподавателей въ нѣкотораго рода зависимость отъ духовенства, дѣти котораго воспитываются въ учебномъ заведеніи, что не можетъ быть признано желательнымъ. Наилучшимъ способомъ улучшенія матеріальнаго положенія преподавателей семинаріи слѣдовало бы признать—устройство для нихъ квартиръ. Расходъ по устройству квартиръ въ значительной степени былъ бы вознагражденъ несомнѣннымъ улучшеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи. Обезпеченные въ одной изъ главнѣйшихъ сторонъ своей экономической жизни и потому не имѣя особенной нужды въ усиленномъ исканіи средствъ жизни, преподаватели могли бы всѣ свои силы посвятить дѣлу семинаріи. Такой способъ сосредоточенія силъ преподавательскихъ исключительно въ одномъ учебномъ заведеніи, не говоря о католическихъ семинаріяхъ, существуютъ въ нѣкоторыхъ учительскихъ семинаріяхъ и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ преподавателямъ дается квартира съ отопленіемъ, взамѣнъ чего преподаватели являются и воспитателями.

Устройство квартиръ требуетъ расхода отъ 50 до 70 тысячъ рублей.

Расходъ даже въ 70 т. рублей на постройку квартиръ для преподавателей не можетъ быть признанъ непосильнымъ для духовенства, особенно если принять во вниманіе, что онъ можетъ быть покрытъ въ теченіе извѣстнаго времени тѣми или другими отчисленіями изъ дохода епархіальн. свѣчного завода.

Во всякомъ случаѣ, возбуждая вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи преподавателей духовныхъ учебныхъ заведеній Кіевской епархіи, мы надѣемся, что это серьезный вопросъ и одинъ изъ существеннѣйшихъ для епархіи который обратитъ на себя вниманіе духовенства Кіевской епархіи. То

или другое разрѣшеніе его будетъ имѣть рѣщающее значеніе и для другого вопроса объ улучшеніи воспитательныхъ условій въ духовно-учебныхъ заведеній, въ чемъ особенно ощущается нужда въ настоящее время, когда, съ одной стороны, все больше и больше прибавленій причисляется къ пастырской дѣятельности православнаго духовенства, а съ другой, не перестаютъ раздаваться жалобы на недостаточность благопріятныхъ учебновоспитательныхъ условій въ учебныхъ заведеніяхъ.

М. Г.

Епархіальная хроника.

— 10 іюля, въ день памяти преп. Антонія, основателя Кіево-Печерскаго монастыря въ Лаврѣ было совершено торжественное богослуженіе. Наканунѣ этого дня всенощное бдѣніе совершалъ въ великой лаврской церкви преосв. Платонъ, епископъ Чигиринскій, второй викарій Кіевской епархіи, въ сослуженіи о. намѣстника лавры, архим. Антонія, ректора Кіевской д. семинаріи архим. Ѳеодосія и старшей братіи лавры. Въ самый праздникъ божественную литургію совершалъ высокопреосвященный священно-архимандритъ лавры митрополитъ Кіевскій и Галицкій Ѳеогностъ, въ сослуженіи преосв. Платона и тѣхъ же лицъ, которыя участвовали въ совершеніи всенощнаго бдѣнія. Въ совершенномъ, послѣ литургіи, молебнѣ, кромѣ поименованныхъ выше лицъ, принялъ участіе преосв. Агапитъ, епископъ Уманскій, третій викарій Кіевской епархіи. По окончаніи богослуженія, въ покояхъ о. намѣстника лавры была предложена гостямъ трапеза, къ которой было приглашено высшее духовенство г. Кіева.

— 11 іюля совершено открытіе скита, приписнаго къ Кіево-братскому Богоявленскому монастырю, подъ именемъ „Церковщины". Наканунѣ во вновь устроенной церкви было совершено всенощное бдѣніе преосв. Платономъ, епископомъ Чигиринскимъ, настоятелемъ Кіево-Братскаго монастыря, въ сослуженіи намѣстника того-же монастыря о. архим. Антонія и студента Кіевской дух. Академіи о. Нестора. На другой день, 11 іюля было совершено освященіе церкви въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы преосв. Платономъ въ сослуженіи о. о. архимандритовъ: ректора семинаріи Θеодосія, благочиннаго монастырей Евлогія, типографа Кіево-Печерской Лавры Назарія, намѣстника Кіево-Братскаго монастыря Антонія, о. Протоіерея П. Г. Преображенскаго и о. Нестора. Послѣ освященія совершенъ былъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія. Слѣдовавшую затѣмъ Божественную литургію совершали тѣ же лица, которыя участвовали въ освященіи храма, кромѣ о. архимандрита Θеодосія и о. Нестора. По окончаніи литургіи, преосв. Платонъ, епископъ Чигиринскій, обратился къ братіи вновь учрежденнаго скита и собравшемуся народу съ глубокопоучительнымъ словомъ, которое будетъ напечатано въ слѣдующемъ № Еп. Вѣд. и по окончаніи котораго благословилъ начальника скита о. Мануила и братію св. иконами отъ себя, Кіево-печерской лавры и св. Троицкаго монастыря. При освященіи храма и скита присутствовали: преосв. Агапитъ, епископъ Уманскій, нѣкоторые изъ профессоровъ Академіи и Кіевскаго городского духовенства. По окончаніи богослуженія, собравшимся гостямъ была предложена скромная трапеза.

— 15 іюля, въ день памяти св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, въ Кіевѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, совершенъ былъ, послѣ торжественнаго богослуженія въ Кіево-Софійскомъ и Кіево-Владимірскомъ соборахъ, крестный ходъ къ нижнему памятнику св. князя Владиміра, гдѣ совершенъ былъ чинъ освященія воды. Наканунѣ этого дня 14 іюля все-

нощное бдѣніе въ Кіево-Софійскомъ соборѣ совершалъ преосв. Платонъ, епископъ Чигиринскій. Въ самый день Божественную литургію въ Кіево-Софійскомъ соборѣ совершалъ высокопреосвящ. Ѳеогностъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ сослуженіи преосв. Платона, епископа Чигиринскаго, архимандритовъ: ректора семинаріи Ѳеодосія и благочиннаго монастырей Евлогія и соборнаго духовенства.

Къ 10 часамъ утра въ Кіево-Софійскій соборъ прибыли отдѣльными крестными ходами священно и церковнослужители, въ свѣтлозолотистыхъ облаченіяхъ, слѣдующихъ церквей: 1) Васильевской, Іоанникіевской (при 2-мъ женскомъ училищѣ), Андреевской и Десятинной, по соединеніи ихъ у послѣдней и 2) Лукьяновской, Юрковецкой, Покровскаго монастыря, Вознесенской, Георгіевской и Срѣтенской, по соединеніи у послѣдней, съ чудотворной иконой Божіей Матери, именуемой „Всѣхъ скорбящихъ радость“.

Въ Кіево-Владимірскомъ соборѣ въ тотъ же день, по случаю храмового праздника, литургія была совершена преосвященнымъ Агапитомъ, епископомъ Уманскимъ. Во Владимірскій соборъ ко времени окончанія литургіи прибыли отдѣльными крестными ходами причты церквей: Воскресенской, Ѳеодосіевской, Ольгинской, Сулимовской, Александро-Невской, Михайловской (при Александровской больницѣ), Борисо-Глѣбской (при исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ), Покровской (на Соломенкѣ), Магдалинской (на Шулявкѣ), Благовѣщенской, Златоустовской, Князе-Владимірской и Троицкой съ Казанской чудотворной иконой Божіей Матери, а также законоучители политехническаго института, мужскихъ и женскихъ гимназій и кадетскаго корпуса.

Изъ Владимірскаго собора, по окончаніи литургіи, крестный ходъ, во главѣ съ преосвященнымъ Агапитомъ, прибылъ въ $10^1/_2$ часовъ утра къ колокольнѣ Софійскаго собора и

здѣсь ожидалъ выхода главнаго крестнаго хода изъ Софійскаго собора.

По выходѣ крестнаго хода изъ Софійской колокольни, высокопреосвященный владыка митрополитъ Θеогностъ и преосвященные: Платонъ, епископъ Чигиринскій и Агапитъ, епископъ Уманскій остановились на площадкѣ предъ колокольней, а протодіаконъ прознесъ ектенію по 3-й пѣснѣ канона. Послѣ ектеніи, при возлашеніи протодіакономъ „Господу помолимся, рцемъ вси", народъ былъ осѣненъ и окропленъ св. водой на четыре стороны.

У колокольни Михайловскаго монастыря братія сего монастыря встрѣтила крестный ходъ съ хоругвями и иконами. Здѣсь, послѣ малой ектеніи, читано Евангеліе отъ Матθея, зачало 53, и затѣмъ, при возглашеніи протодіакономъ „Господу помолимся, рцемъ вси" совершено осѣненіе св. крестомъ и окропленіе святой водой народа на четыре стороны.

Отъ Михайловскаго монастыря крестный ходъ прослѣдовалъ къ верхнему памятнику св. Владиміра, у котораго совершена литія съ осѣненіемъ св. крестомъ народа. Затѣмъ крестный ходъ спустился на Крещатикъ и противъ Александровской часовни соединился съ Печерскимъ крестнымъ ходомъ, изъ Лавры и Никольскаго монастыря.

При спускѣ крестнаго хода по лѣстницѣ къ нижнему памятнику св. Владиміра началось пѣніе чинопослѣдованія малаго освященія воды.

Ко времени прибытія главнаго крестнаго хода къ нижнему памятнику св. Владиміра туда же прибылъ подольскій крестный ходъ изъ Кіево-Братскаго монастыря.

По освященіи воды, крестные ходы возвратились—печерскій въ Лавру и Никольскій монастырь, подольскій—въ Братскій монастырь, а старокіевскій—въ Софійскій соборъ. При возвращеніи крестныхъ ходовъ, войска и народъ, расположен-

ные по пути слѣдованія ихъ, окроплялись св. водой. Во время крестныхъ ходовъ во всѣхъ церквахъ производился колокольный звонъ.

— 22 іюля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ было совершено торжественное богослуженіе. Божественную Литургію совершалъ высокопреосвященный Ѳеогностъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ сослуженіи архимандритовъ: благочиннаго монастырей Евлогія и эконома митрополитанскаго дома Іоанникія и соборнаго духовенства. Въ слѣдовавшемъ за литургіею молебствіи, кромѣ того, приняли участіе преосвященные: Платонъ, епископъ Чигиринскій и Агапитъ, епископъ Уманскій и многочисленное городское духовенство.

Прощаніе преосвященнаго Димитрія, епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи съ духовно-учебными заведеніями и духовенствомъ г. Кіева.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, преосвященный Димитрій, епископъ Чигиринскій, второй викарій Кіевской епархіи по Высочайше утвержденному докладу Св. Синода, 27го апрѣля текущаго года назначенъ епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ.

Преосвященный Димитрій, въ мірѣ Михаилъ Георгіевичъ Ковальницкій, сынъ священника Волынской епархіи, родился въ 1839 году. По окончаніи курса въ Волынской духовной семинаріи въ 1859 году, съ званіемъ студента, онъ назначенъ былъ учителемъ Кременецкаго духовнаго училища, каковую дожность занималъ четыре года. Въ 1863 году онъ поступилъ въ Кіевскую духовную Академію, которую окончилъ въ 1867 году, съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ. Оставленный на службѣ при Академіи, преосвященный Димитрій служилъ въ ней непрерывно въ продолженіе 35 лѣтъ, проходя послѣдовательно должности: преподавателя,

баккалавра и доцента по каѳедрѣ нравственнаго богословія (1867—1868—1869 г.г.), доцента и экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ общей церковной исторіи (1869—1878—1902 г.г.), инспектора (1895—1898 г.г.) и, наконецъ, ректора (1898—1902 г.г.). Въ 1895 году онъ принялъ монашеское постриженіе и былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ 1898 году былъ хиротонисанъ въ епископа Чигиринскаго, третьяго викарія Кіевской епархіи. Преосвященный Димитрій имѣетъ слѣдующіе ордена: св. Владиміра 3-й и 4-й степени, св. Анны 1-й, 2-й и 3-й степени и св. Станислава 2-й и 3-й степени и серебряную медаль на Александровской лентѣ въ память Императора Александра III. Съ 1899 года преосвященный Димитрій состоитъ почетнымъ членомъ Московской духовной Академіи, а нынѣ избранъ почетнымъ членомъ Кіевской Академіи.

12 мая, въ $12^{1}/_{2}$ час. дня преосвященному Димитрію представлялась, какъ бывшему непосредственно начальнику, депутація отъ 1 и 2 женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства. Членъ депутаціи М. В. Гнѣвушевъ прочиталъ адресъ, въ которомъ обрисована была дѣятельность преосвященнаго Димитрія по управленію училищами, а равно выражены чувства живой признательности за эту дѣятельность и глубокой скорби по случаю разставанія училищъ съ своимъ руководителемъ. При этомъ Владыкѣ поднесена была икона Спасителя въ изящной сребро-позлащенной ризѣ.

Пригласивъ членовъ депутаціи въ гостинную, Преосвященный благодарилъ ихъ за привѣтствіе. „По совѣсти,—говорилъ онъ,—не могу принять всего того, что вы приписываете мнѣ, но что я относился къ обоимъ училищамъ съ живымъ сочувствіемъ, это—вѣрно. Я смотрѣлъ на два училища, какъ на параллельные классы одного и того-же училища, и направлялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы они работали въ мирѣ и единодушіи». Поблагодаривъ затѣмъ начальствую-

щихъ лицъ и педагогическій составъ училищъ за образцовое веденіе дѣла, какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ административно-экономическомъ отношеніи, онъ закончилъ рѣчь пожеланіемъ училищамъ дальнѣйшаго процвѣтанія.

Послѣ этого депутаціи предложенъ былъ чай, за которымъ между Преосвященнымъ и членами депутаціи происходилъ живой обмѣнъ воспоминаній о прошломъ и благопожеланій относительно будущаго.

16-го мая преосвященнаго Димитрія чествовала корпорація Академіи. Преосвященному Димитрію были поднесены художественной работы, въ роскошной рамѣ икона академическихъ святителей: Θеодосія Черниговскаго, Димитрія Ростовскаго и Иннокентія Иркутскаго (которые всѣ учились въ Кіево-Братской школѣ и въ честь которыхъ, по предложенію преосвященнаго Димитрія, установленъ академическій праздникъ) и изящный, дорогой, большого формата альбомъ съ фотографическими карточками членовъ корпораціи. При этомъ новый ректоръ Академіи, о. Архимандритъ Платонъ произнесъ слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь.

„Ваше Преосвященство!

Академическая корпорація въ полномъ своемъ составѣ явилась къ Вашему преосвященству, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ свое почитаніе и выразить чувства—скорби, въ виду предстоящей разлуки съ Вами, и глубочайшей благодарности за Вашу безпримѣрную даже и въ такой славной трехвѣковой исторіи, какъ исторія нашей Академіи, самоотверженную 35-лѣтнюю службу ей.

Глубоко образованный богословъ, всѣми всегда уважаемый, серьезный наставникъ—Вы были дѣйствительнымъ украшеніемъ нашей профессорской семьи. Неутомимо и неистощимо энергичный труженникъ на пользу и для вящшей славы нашей Академіи—Вы, являясь въ своей ректорской дѣятель-

ности на дѣлѣ краснорѣчивѣйшимъ выразителемъ и строгимъ охранителемъ ея славныхъ завѣтовъ и лучшихъ традицій, были достойнымъ преемникомъ своихъ великихъ предшественниковъ. Благотворное вліяніе Вашей личности и дѣятельности отразилось и укрѣпилось рѣшительно на всѣхъ сторонахъ академической жизни. Дѣятельность эта совершалась на нашихъ глазахъ;—мы видѣли, что она была слѣдствіемъ Вашей беззавѣтной преданности интересамъ Академіи, и мы убѣждались и убѣдились въ томъ, что *благо Академіи—потребностъ Вашей души*. А такъ какъ все Ваше здѣшнее прошлое говоритъ за то, что потребность эта никогда не изсякнетъ въ ней, то Вы, разставшись съ Академіей, хотя не будете уже ректоромъ нашей академической семьи, за то будете всегда самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ, самымъ роднымъ *почетнымъ членомъ* ея.

Ваше Преосвященство, высокочтимый Ректоръ нашъ! Въ числѣ весьма многихъ и весьма важныхъ дѣлъ и трудовъ, подъятыхъ Вами на пользу нашей almae matris, есть одно дѣло особенное, дѣло несравнимо важное, богоугодное, подсказанное Вамъ Вашею, воспитанною на почвѣ древнецерковной исторіи и чуткою въ религіи, совѣстью,—это установленіе Вами празднованія всѣмъ тремъ нашимъ академическимъ молитвенникамъ вмѣстѣ: свв. Ѳеодосію, Димитрію и Иннокентію. Установивъ этотъ праздникъ, Вы поставили жизнь Академіи подъ особенное небесное покровительство сихъ трехъ родныхъ ей святителей и вмѣстѣ дали Академіи возможность имѣть теперь у себя образъ *своихъ* трехъ небесныхъ предстателей. Образъ сей есть академическая драгоцѣнность, величественный памятникъ ея славнаго прошлаго, надежда настоящаго и оплотъ будущаго. Другого чего-либо болѣе дорогого и болѣе лучшаго Академія не имѣетъ. Возможность имѣть эту драгоцѣнность дана Академіи Вами, и благодарная Академія Вамъ же впервые и подноситъ ее.

Съ грустью разстаемся мы съ Вами, зная—кто оставляетъ насъ; но если Вы милостиво примете настоящее наше подношеніе, мы будемъ имѣть утѣшеніе въ томъ, что будемъ знать, съ кѣмъ и подъ покровительствомъ кого отойдетъ отъ насъ нашъ незабвенный Ректоръ".

Владыка милостиво принялъ подношенія, искренно благодарилъ за нихъ, указалъ на высокое значеніе ихъ для него и, растроганный, со слезами на глазахъ, высказалъ сожалѣніе, что ему приходится разлучиться съ горячо любимой имъ Академіей.

Во время рѣчи о. Ректора и отвѣта на нее Владыки многіе изъ членовъ корпораціи не могли удержаться отъ слезъ, разставаясь съ глубоко уважаемымъ и любимымъ Ректоромъ.

Затѣмъ состоялся обѣдъ. За обѣдомъ было произнесено много рѣчей: Ректоромъ Академіи Архимандритомъ Платономъ, профессорами: В. Ѳ. Пѣвницкимъ, С. Т. Голубевымъ, В. З. Завитневичемъ и доцентомъ І. А. Бродовичемъ.

Ректоръ Академіи сказалъ слѣдующую трогательную и многосодержательную рѣчь.

„Ваше Преосвященство!

Насталъ часъ Вашего разставанья съ Академіей. Милостивые Государи! Насталъ часъ разставанья Академіи съ своимъ доблестнымъ сыномъ и славнымъ начальникомъ. Насталъ тотъ часъ, о которомъ можно отъ лица Академіи сказать: о, если бы его совсѣмъ не было! Но онъ насталъ. И вамъ, высокочтимый Ректоръ, и Академіи трудно разставаться другъ съ другомъ, трудно Вамъ жить внѣ Академіи, а Академіи быть безъ Васъ, трудно ей разставаться съ своимъ незамѣнимымъ Ректоромъ, а Вамъ, отдавшему ей 35 лѣтъ, лучшихъ лѣтъ своей жизни, оставлять ее. Я не буду говорить сейчасъ о Вашей жизни, не буду говорить о Вашей

дѣятельности, посредствомъ которой Вы вступили въ блестящій рядъ великихъ ректоровъ Академіи. Я не буду, господа рисовать сейчасъ этотъ образъ высокой личности нашего Ректора. Предоставляю это дѣло нашему великому художнику Василію Θеодоровичу (Пѣвницкому). Но душа моя преисполнена желанія, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать нѣкоторое дополненіе къ тому, что мною было сказано при поднесеніи иконы.

Я сказалъ, что благо Академіи—потребность Вашей души, нашъ высокочтимый Ректоръ. Сейчасъ скажу то же, но нѣсколько полнѣе,—сейчасъ скажу: жизнь нашей Академіи есть Ваша жизнь. Только этимъ и можно объяснить то, что Вы смогли въ такой сравнительно малый періодъ своего ректорства въ Академіи столько сдѣлать для Академіи. Поистинѣ, „любы вся созидаетъ". Безъ такой любви къ Академіи даже и Вы, при Вашихъ недюжинныхъ силахъ, не смогли бы сдѣлать то, что сдѣлали. И вотъ, когда будетъ, наконецъ, представленъ русскому образованному міру образъ нашей Матери-Академіи „во весь ея трехвѣковой ростъ", тогда всѣ увидятъ, что въ послѣднее время Академія поднялась въ ростѣ, благодаря трудамъ ея Ректора епископа Димитрія (Ковальницкаго). Эти труды доставятъ будущему историку большую работу, и если онъ сможетъ надлежаще оцѣнить ихъ, дать имъ должное освѣщеніе, если онъ сможетъ проникнуть въ эту трудовую жизнь нашего Ректора, то въ академическихъ лѣтописяхъ, столь щедрое начало которымъ недавно положилъ нашъ же Ректоръ, будутъ имѣться многочисленныя блестящія страницы. И что бы ни описывалось на этихъ страницахъ изъ дѣятельности нашего Ректора, какія бы черты—малыя или великія—ни набрасывались на нихъ, личность нашего Ректора будетъ стоять на нихъ рельефно, выпукло. Ибо онъ будетъ воодушевлять будущаго историка чувствомъ восхищенія такъ, какъ воодушевлялъ насъ доселѣ и какъ сей-

часъ воодушевляетъ чувствомъ глубочайшей благодарности за его дѣятельность въ Академіи.

Есть въ средѣ нашей такіе, которымъ вѣдомо начало этой дѣятельности, но большинство изъ насъ—Ваши, высокочтимый Ректоръ, благодарные ученики. Мнѣ лично судилъ Богъ быть Вашимъ не только ученикомъ на студенческой скамьѣ, но и ученикомъ въ учебно-административномъ дѣлѣ, мнѣ судилъ Богъ быть въ послѣдніе годы Вашей дѣятельности Вашимъ ближайшимъ сотрудникомъ, осуществителемъ многихъ Вашихъ мыслей и идей,—и я счастливъ почесть для себя долгомъ совѣсти засвидѣтельствовать предъ всѣми, что всѣ Ваши мысли исключительно были поглощены академическими интересами, были направлены къ академическому дѣлу, которое при Васъ такъ быстро росло и расширялось. Не умѣя ничего дѣлать въ половину, одаренный въ высшей степени яснымъ и серьезнымъ умомъ, глубоко убѣжденный въ высотѣ и святости своего дѣла, Вы отдавались, преосвященнѣйшій Ректоръ, этому своему родному дѣлу съ увлеченіемъ человѣка, для котораго первое и главное въ жизни— убѣжденіе. Прямо и открыто всегда проводили въ академическую жизнь свои мысли. Всѣ мы всегда знали, въ чемъ дѣло и о чемъ идетъ дѣло. Случалось намъ не разъ съ живымъ волненіемъ наблюдать, какъ Вы осуществляли какое-либо трудное дѣло, какъ, схвативъ суть и оріентировавшись въ практической обстановкѣ его, проводили его, если оно, по Вашему глубокому убѣжденію, необходимо было для академической жизни, посреди неожиданныхъ иногда затрудненій и препятствій. И нужно сказать, что даже и тѣ, кто не соглашался въ извѣстномъ дѣлѣ съ Вами, кто не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ Вашего убѣжденія и не сочувствовалъ проводимымъ мѣрамъ, и тѣ всегда чувствовали къ Вамъ, къ Вашей исключительной избранной натурѣ, искреннее уваженіе. Но рѣдко кто не соглашался въ чемъ-либо съ Вами,

вообще же Ваши мѣры и предложенія принимались нами съ благодарностью и съ восторгомъ. А о чемъ это говоритъ, какъ не о томъ, что онѣ суть явленіе, далеко выходящее изъ уровня обыкновенности, суть явленіе, которое не могло не отразиться на всѣхъ сторонахъ академической жизни. Вы какъ-бы взяли эту жизнь въ свои мощныя руки и такъ встряхнули ее, что съ нея слетѣлъ пыльный налетъ, и она помолодѣла, обновилась. Вы не щадили себя, Вы не жалѣли своихъ ни духовныхъ, ни матеріальныхъ средствъ, и достигли Вы цѣли своей: физіономія Академіи измѣнилась,—на ней закрѣплена Вами присущая ей печать благородства и ученой серьезности. То, что Вы хотѣли сдѣлать, то сдѣлали или положили тому прочное начало. Въ этомъ Ваша отрада, а наша радость и неумирающая Вамъ благодарность.

Примите-же, высокочтимый Ректоръ нашъ, отъ признательной Академіи сердечное спасибо и будьте ей и впредь роднымъ изъ родныхъ и приснымъ изъ присныхъ. А Академія... она—гордая Вами—будетъ всегда хранить въ себѣ драгоцѣнную память о Васъ. Теперь-же отъ всей благодарной души своей она желаетъ Вамъ добраго здоровья на многая лѣта. Многая лѣта высокочтимому Ректору, преосвященному Димитрію! Многая лѣта"!

Профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій въ слѣдующей рѣчи мастерски охарактеризовалъ свѣтлую личность Преосвященнаго и изобразилъ его многоплодную дѣятельность.

„Ваше Преосвященство!

Седьмого ректора мнѣ приходится провожать изъ стѣнъ нашей Академіи, и никогда прежде не испытывалъ я такого грустнаго чувства, съ какимъ прощаюсь съ Вами. Вы, Владыко, вступили въ управленіе нашей almae matris, когда жизнь моя склонялась къ закату, и я думалъ, что Вы проводите меня въ ту далекую страну, о которой такъ настоятельно напоминаютъ мнѣ мои годы, и путь къ которой

предуказываетъ мнѣ моя супруга, недавно похороненная Вами. Но Богъ, по милости Своей, еще хранитъ меня и поддерживаетъ мои силы, а Вамъ перстомъ Божіимъ указуется новое мѣсто на высшей чредѣ служенія церкви Божіей, отдаленное отъ насъ немалымъ пространствомъ, и, можетъ быть, Богъ уже не приведетъ мнѣ увидѣться съ Вами въ этомъ мірѣ.

Прощаясь съ Вами до свиданія, можетъ быть, только въ мірѣ загробномъ, я позволяю себѣ обратиться своими воспоминаніями къ пройденному Вами длинному пути совмѣстнаго служенія съ нами нашей дорогой Академіи.

Почти сорокъ лѣтъ я знаю Васъ, и помню Ваше первое вступленіе въ Академію,—во время пріемнаго экзамена въ 1863 году [1]), и сразу я замѣтилъ въ Васъ богатый недюжинный талантъ, какимъ одарилъ Васъ Господь Богъ. Помню Ваши студенческія письменныя работы, отличавшіяся силою и зрѣлостію мысли и художественностію изложенія. До сихъ поръ мнѣ живо представляется Ваша проповѣдь на недѣлю вайй, которую я рекомендовалъ особому вниманію тогдашняго ректора, какъ произведеніе сильнаго ума, обѣщающаго въ авторѣ крупнаго дѣятеля.

Вступивши на служеніе Академіи, прямо по окончаніи курса, Вы вполнѣ оправдали тѣ надежды, какія возлагали на Васъ мы, наставники, цѣнившіе Вашъ талантъ, изъ которыхъ нынѣ стою предъ Вами я одинъ. Мы видѣли въ Васъ неутомимаго работника, всецѣло преданнаго наукѣ и блистательно ведущаго свое дѣло. Обладая сильнымъ критическимъ умомъ, Вы сразу возвысили ту каѳедру, работать на которой были призваны, и далеко оставили за собою своихъ предшественниковъ, не давшихъ Вамъ богатаго наслѣдства.

---

[1]) Въ то время В. Ѳ. Пѣвницкій былъ уже ординарнымъ профессоромъ.

Нѣсколько поколѣній студентовъ слушали Ваши уроки, и всѣ единогласно признавали Вашъ ученый авторитетъ, и съ великимъ уваженіемъ относились къ Вашимъ чтеніямъ.

Но, воздавая Вамъ должную дань хвалы за Вашу блистательную профессорскую дѣятельность, я не могу воздержаться отъ маленькаго упрека Вамъ за Вашу излишнюю скромность,—за то, что Вы скупо дѣлились съ ученымъ міромъ чрезъ печатное слово результатами своихъ работъ. Владѣя въ совершенствѣ научными средствами, при своемъ недюжинномъ талантѣ, при сильномъ критическомъ умѣ, Вы обогатили бы церковно-историческую науку важными изслѣдованіями и оставили бы богатое наслѣдіе не студентамъ только, слушавшимъ Васъ, а всему читающему міру, интересующемуся церковно-историческими вопросами. Зная Вашъ талантъ, мы съ увѣренностію можемъ сказать, что каждое Ваше произведеніе было бы цѣннымъ вкладомъ въ науку и представляло бы изъ себя въ своемъ родѣ перлъ созданія, какимъ была Ваша актовая рѣчь: „о значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства".

Перехожу къ другому роду Вашего служенія Академіи. Когда въ Академіи открылась вакансія инспектора, и Вы дали согласіе занять эту должность *трудную*, особенно въ *нынѣшнее неспокойное время*, Вашъ предшественникъ по ректурѣ, такъ много заботы прилагавшій о благосостояніи ввѣренной ему Академіи, сказалъ тогда: „теперь я спокоенъ за Кіевскую Академію. Нашлись твердыя, благонадежныя руки, которымъ ввѣряется управленіе молодыми людьми"! И нужно-ли говорить, съ какимъ самоотверженіемъ, съ какимъ усердіемъ Вы несли тяготу инспекторскую, на Васъ возложенную, какъ тщательно поддерживали порядокъ въ Академіи, и какъ заботливо охраняли честь молодежи, ввѣренной Вашимъ заботамъ? Безъ лести могу сказать Вамъ, что я видѣлъ въ Васъ примѣрнаго, образцоваго инспектора,

и такое свое мнѣніе о Васъ высказывалъ предъ всѣми, власть имущими, когда приходилось мнѣ говорить съ ними. Но для Васъ время Вашего инспекторства было, я думаю, самымъ тяжелымъ временемъ Вашей жизни. Это было время постояннаго безпокойства и душевныхъ волненій. Легкомысліе нѣкоторыхъ юношей, не хотѣвшихъ подчиняться законному школьному порядку, Вами охраняемому, часто доставляло Вамъ крупныя огорченія. Подъ вліяніемъ этихъ огорченій, Вы рѣшились было оставить тотъ трудный постъ, на который поставлены были высшею властію, и Академію, и заявили объ этомъ въ прошеніи, поданномъ покойному митрополиту и имъ принятомъ.

Когда дошла до меня вѣсть объ этомъ, я былъ потрясенъ до глубины души, и безъ Вашего вѣдома, никому не говоря ни слова, принялъ всѣ, доступныя мнѣ, мѣры къ тому, чтобы удержать при Академіи ту великую силу, какую я видѣлъ въ Вашемъ лицѣ, и въ этомъ случаѣ я руководился не какими-либо личными симпатіями, а только заботою о благѣ Академіи, которой я преданъ всѣми силами своей души и честью которой дорожу больше, чѣмъ своею собственною. И я могу засвидѣтельствовать теперь предъ всѣми, что, если мы не лишились тогда отца (нынѣ преосвященнаго) Димитрія, то не мало послужили этому и мои хлопоты.

Скоро послѣ этого, къ счастію, неосуществившагося рѣшенія Вашего оставить Академію, мы увидѣли Васъ во главѣ нашей Академіи, въ званіи ректора. Не долго продолжалось Ваше служеніе Академіи въ этомъ званіи,—четыре года съ небольшимъ. Но какъ много сдѣлано Вами ко благу Академіи и служащихъ въ ней въ это короткое время! Вы, всецѣло преданный Академіи, служили ей и намъ, не щадя ни своихъ силъ, ни своихъ матеріальныхъ средствъ. Ваши, слишкомъ щедрыя и безпримѣрныя жертвы, излитыя на Академію, въ особенности заявленныя въ послѣднее засѣданіе

Совѣта Академіи, свидѣтельствуя о Вашей безграничной любви къ ней, глубоко взволновали сердца всѣхъ насъ и повергли насъ въ благодарное умиленіе, и въ избыткѣ этого умиленія мы не находили словъ, чтобы достойно возблагодарить Васъ. Крупными, красными буквами Ваше имя будетъ записано въ лѣтописяхъ Академіи, и никогда не изгладится оно, пока будетъ существовать наша Академія. Вы уѣзжаете отъ насъ; но Ваши жертвы, но слѣды Вашей заботливости объ Академіи навсегда остаются въ ней, и не только мы, но и наши преемники, представители послѣдующихъ поколѣній, пользуясь тѣмъ, что оставила Ваша любовь, никогда не перестанутъ благословлять Ваше имя. И какіе широкіе размѣры Ваша мудрая предусмотрительность дала Вашимъ благотвореніямъ, обнимая собою цѣлокупную жизнь Академіи! Внося значительный капиталъ въ сокровищницу Академіи, Вы имѣли въ виду облегчить чрезъ это удовлетвореніе нуждъ и студентовъ и наставниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать оживленію литературной дѣятельности и учащихъ и учащихся въ Академіи. Вамъ принадлежитъ далѣе неоцѣненная заслуга, что Вы заблаговременно подняли мысль о приготовленіи къ достойному празднованію трехсотлѣтняго юбилея Академіи, и возложивъ исполненіе этой задачи на избранныхъ дѣятелей Академіи, дали значительныя средства на изданіе актовъ или памятниковъ, относящихся къ исторіи Академіи.

Нельзя умолчать и о томъ, что у Васъ была забота о томъ, чтобы устроить въ лучшемъ видѣ зданія Академіи, и по Вашей мысли составлены нынѣ проекты разныхъ перестроекъ и пристроекъ въ Академіи, въ видахъ устраненія въ нашихъ старыхъ зданіяхъ многихъ неудобствъ, съ которыми мы примирялись донынѣ. Если эти проекты и не будутъ приведены въ исполненіе въ скоромъ времени, все-таки они будутъ сѣменемъ, брошеннымъ Вами, которое, можетъ быть дастъ добрый всходъ.

И помимо этого, стоитъ войти въ Братскій монастырь, чтобы видѣть, какъ внѣшне благоустроилась мѣстность, окружающая зданія Академіи. Здѣсь прямо бросаются въ глаза слѣды Вашей заботливости и Вашего эстетическаго чувства, приведшаго въ пріятный видъ прежде заброшенное и мало устроенное...

Но довольно. Можетъ быть, я уже утомилъ Васъ. Но сознаю, что я далеко не выразилъ всего того, что чувствуетъ теперь каждый изъ насъ. Свою рѣчь я приглашаю всѣхъ заключить однимъ словомъ: „благодаримъ Васъ, Владыко, и желаемъ Вамъ многихъ и многихъ лѣтъ".

Профессоръ С. Т. Голубевъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Ваше Преосвященство!

Вамъ извѣстно, что мои научныя занятія за послѣдніе годы сосредоточивались преимущественно на изученіи прошлаго нашей Almae matris. Занятія эти всегда доставляли и доставляютъ мнѣ удовольствіе, но удовольствіе это увеличивается, переходитъ въ большую радость, когда попадаются подъ руку матеріалы, рисующіе свѣтлыя стороны Академической жизни, когда приходится сосредоточивать вниманіе на дѣятеляхъ Академіи, составляющихъ ея *гордость и красу*.

Сими днями ректорство Вашего Преосвященства въ родной Вамъ, и по воспитанію и по службѣ, Академіи отошло въ область прошлаго и дѣлается достояніемъ исторіи. Радуюсь за будущаго историка нашей Almae matris, на долю котораго выпадетъ счастіе изучать это время. Ему не придется вымучивать матеріалъ, собирать его по клочкамъ, фантазировать надъ нимъ; потому что слѣды и результаты дѣятельности Вашего Преосвященства,—несмотря на сравнительно непродолжительное ректорство у насъ,—и *многочислены, и неизгладимы, и ярки*. Я не буду распространяться о фактахъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ. Позволю себѣ отмѣ-

тить въ общихъ чертахъ *существенный характеръ* Вашей дѣятельности. Всемѣрно побуждая меня и нѣкоторыхъ другихъ членовъ Академической корпораціи собирать матеріалы для научной исторіи Академіи (въ виду приближающагося трехсотлѣтняго ея юбилея), Вы сами, Ваше Преосвященство, всесторонне знакомились съ прошлымъ нашей общей Almae matris, съ непрерывнымъ вниманіемъ и неослабѣвающимъ участіемъ слѣдили за ея настоящимъ и, окрыляемые познаніями прошлаго и опытами своего свѣтлаго ума, какъ бы съ высоты орлинаго полета, прозрѣвали въ ея дальнее, *будущее*. Вслѣдствіе этого многія начинанія и дѣянія Вашего Преосвященства, какъ основанныя на серьезномъ изученіи и глубокомъ пониманіи насущныхъ потребностей Академической жизни и науки, будутъ имѣть важность и значеніе *непреходящія*. Скажу болѣе: они образуютъ *эпоху* въ исторіи нашей Академіи, какъ по своей численности такъ и неоскудѣвающей плодотворности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Поэтому для Вашего Преосвящества должны быть понятны тѣ чувства высокаго почитанія, глубокаго уваженія и искренной признательности, которыми одушевлена по отношенію къ Вамъ Академическая корпорація.

Велика, Ваше Пеосвященство, наша скорбь при разставаніи съ Вами. Скорбь эта, до извѣстной степени, смягчается только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ лицѣ Вашего преемника по ректурѣ мы видимъ тоже *родного сына* нашей Академіи, Вашего ученика и ближайшаго сотрудника, ставящаго—по его словамъ—благо и пользу Академіи первенствующіею цѣлію своей ректуры,—а потому питаемъ сладостныя надежды, что всѣ Ваши добрыя начинанія и положенные Вами широкіе и прочные фундаменты найдутъ въ немъ достойнаго продолжателя и созидателя. Посему отъ всей души желаемъ, чтобы на новомъ нашемъ отцѣ Ректорѣ *почилъ духъ* Вашего Преосвященства, подобно тому, какъ почилъ на *Елисеѣ духъ* великаго пророка *Иліи Ѳесфитянина*.

Позволяю себѣ предложить одновременно три тоста. Первый тостъ *благодарственный*: за здоровье бывшаго ректора Академіи, преосвященнаго Димитрія, нашего *великаго Иліи*.

Второй—за здоровье новаго отца Ректора, нашего *Елисея*, тостъ *благожелательный*: да сугубо почіетъ на немъ *духъ Иліинъ*.

Наконецъ, третій тостъ, стоящій въ тѣсной связи съ двумя предшествующими,—тостъ за процвѣтаніе дорогой нашей *Almae matris*".

Профессоръ В. З. Завитневичъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Преосвященный Владыко!

Въ наши дни, когда съ одной стороны, жизнь выдвинула и продолжаетъ выдвигать столько серьезныхъ, можно сказать, жгучихъ вопросовъ; когда, съ другой стороны, нигдѣ, или почти нигдѣ, не видно ни смѣлой инициативы мысли, ни истиннаго благородства чувства, ни надлежащей силы воли, необходимыхъ какъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, такъ и для проведенія этихъ рѣшеній въ жизнь, съ особымъ удовольствіемъ останавливаешься на людяхъ дѣла, которые, уразумѣвъ смыслъ жизни, ставятъ себѣ ясныя, опредѣленныя задачи и скромно. безъ шуму и звону, но твердо и неуклонно идутъ къ ихъ осуществленію. Не легко ихъ положеніе. Волнующаяся кругомъ стихія бьетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы стараясь вышибить ихъ изъ ихъ устоевъ; но они стоятъ, какъ несокрушимыя скалы, все подчиняя своему здравому смыслу, своей желѣзной волѣ.—Въ обыденной жизни они нерѣдко бываютъ тяжеловаты: сами полные энергіи, они держатъ жизнь въ постоянномъ напряженіи, не позволяя ей, если можно ткк выразиться, слишкомъ распускаться. Но дѣлать съ ними серьезное дѣло—истинное наслажденіе. Всегда богатые достаточнымъ запасомъ гражданскаго мужества, они

не испугаются, на полъ-пути не остановятся, не слукавятъ, не продадутъ... Да благословитъ ихъ Господь за это! Чтобы ни говорили о нихъ современники, исторія всегда станетъ на ихъ сторонѣ, потому что они—истинные творцы жизни: они или задерживаютъ ее тамъ, гдѣ она не знаетъ ýдержу, или двигаютъ ее впередъ, когда она останавливается, коснѣетъ...

Не всѣ мы, Владыко, были Вашими учениками въ узкомъ смыслѣ слова; но всѣ мы были свидѣтелями Вашей дѣятельности въ административныхъ должностяхъ, и поэтому всѣ мы хорошо знаемъ, сколько Вы, въ этотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени, при самыхъ несомнѣнно честныхъ, несомнѣнно благородныхъ стремленіяхъ, испытали всевозможныхъ злоключеній. Не хотѣлось бы быть злымъ ворономъ, накликающимъ бѣду; но, не вдаваясь въ наивный оптимизмъ, трудно повѣрить, чтобы, при современномъ положеніи дѣлъ, когда кругомъ все шатается какъ опьянѣлое, и въ будущемъ Вашъ жизненный путь устланъ былъ только однѣми розами... И было бы очень грустно, если бы эта тяжелая мысль не смягчалась, съ одной стороны, вѣрою въ торжество лучшихъ, благороднѣйшихъ стремленій человѣческой души, съ другой стороны—сознаніемъ, что истинная сила тѣмъ большую проявляетъ упругость и устойчивость, чѣмъ большее встрѣчаетъ сопротивленіе... Но, Владыко, если бы, сверхъ всякаго чаянія, жизнь стала Васъ одолѣвать, если бы отъ человѣческой тупости и пошлости Вамъ становилось слишкомъ тошно, вспомните, что есть въ Израилѣ небольшая толика людей, которые, не кланяясь ни Ваалу, ни Астартѣ, такъ же, какъ и Вы, прямо служатъ своему Іеговѣ. Правда, не велико ихъ число: всѣхъ ихъ можно обнять однимъ небольшимъ охватомъ. Но, Владыко, по себѣ знаете, что сила духа не въ количествѣ. Помните, что мы никогда не забудемъ своего несравненнаго ректора, что мы зорко будемъ слѣдить за каждымъ ша-

гомъ его дѣятельности, посылая ему всѣ свои симпатіи, сопровождая каждый его жизненный шагъ самыми искренними, самыми горячими пожеланіями, потому что глубоко убѣждены что въ предстоящей Вамъ дѣятельности, какъ и въ прошедшей, все будетъ, какъ и было, разумно, честно, благородно, плодотворно. А Вы, Владыко, не забывайте насъ въ своихъ святительскихъ молитвахъ: молитесь, да царствуетъ въ насъ миръ и согласіе, да не одолѣетъ насъ лѣнь и косность, да держимъ мы врученное намъ многовѣковой исторіей знамя науки честно и грозно, да не доживемъ мы до того позора, чтобы кто-нибудь вырвалъ его изъ нашихъ рукъ и повелъ какъ нашу науку, такъ и самую русскую жизнь туда, куда имъ идти не слѣдуетъ"..

Доцентъ Бродовичъ въ слѣдующей рѣчи охарактеризовалъ Преосвященнаго, какъ профессора и администратора.

„Ваше Преосвященство!

Позвольте и мнѣ, Вашему преемнику по каѳедрѣ и младшему подчиненному по службѣ, принять участіе въ томъ дѣлѣ, которое начали сейчасъ почтеннѣйшіе предшественники мои по рѣчи, а закончитъ будущій историкъ нашей Академіи,—позвольте и мнѣ вставить одинъ цвѣтокъ въ сплетаемый Вамъ вѣнецъ похвалъ. Подобно историку Евсевію Кесарійскому, который восхвалилъ подвиги и добродѣтели великаго Константина, я хочу въ краткой рѣчи *отмѣтить* дѣянія и достоинства Вашего Преосвященства

И какъ профессоръ, и какъ администраторъ, Вы выступаете въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, съ ореоломъ славы и величія.

Тридцать пять студенческихъ поколѣній прошли предъ Вашей профессорской каѳедрой, и я, судя по себѣ, увѣренъ, что всѣ они сохранили самыя лучшія воспоминанія о Вашихъ лекціяхъ. Васъ всегда окружала многолюдная внимательная аудиторія. Ваши лекціи посѣщались съ удовольствіемъ, выслушива-

лись съ интересомъ, усваивались съ пріятностію. Насколько я теперь могу судить по воспоминаніямъ, Ваши чтенія отличались глубиною и основательностью мысли, тщательностью и безукоризненностью отдѣлки. Обладая замѣчательно тонкимъ критическимъ умомъ и рѣдкой синтетической способностью, Вы свободно оріентировались въ разнообразіи научнаго матеріала и, приведя все необходимое въ стройный порядокъ, предлагали своимъ слушателямъ увлекательнѣйшія чтенія. Я не могу надивиться, съ какимъ искусствомъ Вы въ сжатой рѣчи давали массу положительныхъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать tacito modo, опровергали разныя возраженія, не приводя самыхъ этихъ возраженій и не называя ихъ авторовъ. Всякій излишній балластъ никогда не находилъ мѣста въ Вашихъ лекціяхъ. Въ Вашей рѣчи не было лишней мысли, въ Вашей фразѣ не было лишняго слова. Припоминаю одну замѣтку, читанную мною во время студенчества въ старыхъ записяхъ Вашихъ чтеній. Какой-то студентъ, желая сдѣлать для подготовки къ экзамену сокращеніе изъ имѣвшихся у него записей, видно, промучившись надъ этой работой, въ чувствѣ безсилія, пишетъ: „дальше о томъ-то прошу, господа, читать по старымъ лекціямъ, которыхъ я, при синтетичности рѣчи профессора Ковальницкаго, никакъ не могу сократить“.

Ваши бывшіе слушатели лишены удовольствія читать Ваши лекціи въ печати. Вы не печатали своихъ чтеній. Вы были крайне требовательны въ себѣ и слишкомъ идеально смотрѣли на науку и на печатное слово. Если писать,—такъ, вѣроятно, разсуждали Вы,—то писать только оригинальное. А между тѣмъ, какъ замѣтилъ извѣстный историкъ В. В. Болотовъ: „сказать что-нибудь новенькое въ заѣзжанной всякими пособіями древней церковной исторіи не совсѣмъ легко“. Однако, какъ ни скупы были Вы на печатное слово и какъ ни трудно сказать что-либо новенькое въ нашей наукѣ, даже

въ немногомъ *напечатанномъ* Вами можно находить оригинальные взгляды. Таковъ, напримѣръ, Вашъ взглядъ по вопросу о причинахъ раздѣленія церквей (восточной и западной), высказанный въ сочиненіи „о значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства“. Замѣчу кстати вообще объ этомъ сочиненіи. О немъ можно сказать: „малъ золотникъ, да дорогъ“. Такъ писать можетъ только человѣкъ, который глубоко изучилъ исторію и ясно представляетъ себѣ ходъ ея.

Ваши многочисленныя предложенія (письменныя), съ которыми Вы входили въ Совѣтъ Академіи, это—тѣ же лекціи, только по другому предмету. Это,—не будетъ преувеличеніемъ сказать,—шедевры мысли и слова; это—картины кисти Рѣпина. Глубина мысли, широта взгляда, увлекательность изложенія—вотъ отличительныя ихъ качества. Видно, что Вы съ первыхъ лѣтъ службы (а иногда даже со временъ студенчества) присматривались къ строю академической жизни и замѣчали нѣкоторыя ненормальныя явленія, вообще недостатки, а потомъ, ставши во главѣ учрежденія, предприняли цѣлый рядъ реформъ, преобразованій и измѣненій. Привыкши къ глубокому и отчетливому мышленію, Вы, какъ истый историкъ, каждое явленіе схватываете въ его сущности, слѣдите его историческое развитіе, освѣщаете многочисленными фактами. Потому-то, слушая или читая Ваши записки, соглашаешься съ каждымъ положеніемъ. Къ Вамъ вполнѣ приложимы слѣдующія слова историка Ѳеодорита, которыми онъ характеризуетъ Амвросія Медіоланскаго: „его смыслъ вѣрнѣе всякихъ вѣсовъ, а мнѣнія—точнѣе всякаго правила.“

Ваша *административная* дѣятельность широка и многоплодна, и въ ней выражается безграничная, самоотверженная любовь къ родной Академіи. Вы приняли административный постъ неохотно, не безъ колебанія, но Вы прошли его бле-

стяще, со славой. Студенты, профессоры, служащіе, учрежденія, наконецъ, монастырь были для Васъ предметомъ неослабной попечительности и радѣнія. Вы входили и въ умственные интересы студентовъ (упорядоченіе библіотечнаго дѣла, проектъ правилъ о занятіяхъ и испытаніяхъ, установленіе изданія лучшихъ работъ—диссертацій и проповѣдей), и въ матеріальныя нужды ихъ (учрежденіе вспомогательной кассы), и въ эстетичеткія потребности ихъ (пріобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ) и въ гигіеническія нужды (устройство галлереи). Равнымъ образомъ, заботясь о профессорахъ, Вы входили и въ научные ихъ интересы (преобразованіе церковно-археологическаго общества, изданіе актовъ для исторіи Академіи), и въ матеріальныя нужды ихъ (основаніе вспомогательной кассы). Вы навѣрное и не подозрѣваете, сколько похвалъ и благодарностей слагаютъ Вамъ въ сердцѣ своемъ члены Академической корпораціи за эту помощь. Недавно Вы возбудили вопросъ объ увеличеніи жалованья секретарю Совѣта и Правленія Академіи и его помощнику (ждутъ-не дождутся они исхода этого дѣла). Въ монастырѣ Братскомъ остаются двѣ крупныя печати Вашей архитектурской руки: возлѣ монастырской колокольни Вы построили домъ, приносящій значительный доходъ, а въ пустынномъ урочищѣ Церковщина, на мѣстѣ подвижничества св. Ѳеодосія—церковь и корпусъ для братіи.

Глядя на Вашу энергическую и разностороннюю дѣятельность, думаешь, что если бы Вамъ силы, время, да средства, то Вы устроили бы и благоукрасили бы Академію и монастырь до неузнаваемости. Вы не разъ говаривали: „колы-бъ я такъ мигъ, якъ я не мо́жу“ (кабы я настолько могъ, насколько не могу). Въ послѣднее время Вы помышляли поднять вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія доцентовъ Академіи. Но безнадежность этого дѣла заставила Васъ опустить руки.

Ваша административная дѣятельность диктуетъ заключеніе моему прощальному слову при оставленіи Вами Академіи. Припоминаю, что Вашъ почтеннѣйшій предмѣстникъ, преосвященный Сильвестръ, оставляя Академію, замѣтилъ: „я вросъ въ Академію всѣми корнями“. О Васъ, въ виду Вашей дѣятельности, должно сказать подобное же: Вы срослись съ Академіей всѣми мыслями, чувствами и желаніями. Я, поэтому, выражаю искреннее пожеланіе, чтобы Ваше Преосвященство, подобно Вашему высокочтимому предшественнику, и по отъѣздѣ въ страну далечу, не разрывали духовной связи съ такъ возлюбленной Вами Академіей“.

Преосвященный Димитрій отвѣчалъ на всѣ эти рѣчи; онъ говорилъ о своей безграничной любви къ Академіи, о тяжести разлуки съ нею, сопровождая свои слова трогательными пожеланіями дальнѣйшаго процвѣтанія своей almae matri.

Въ рѣчи профессора В. Н. Малинина, а равно въ отвѣтѣ на нее преосвященнаго Димитрія затронутъ былъ особый вопросъ. Очертивъ могучую личность Владыки и изливъ свои чувства, вызываемыя прощаніемъ съ этой личностью, г. Малининъ затѣмъ выразительно указалъ на то, что на Тамбовской каѳедрѣ Преосвященнаго ждетъ дѣло не менѣе важное и отвѣтственное, нежели управленіе Академіей: это—руководительство духовенствомъ, которому приходится нести сложный и отвѣтственный трудъ при тяжелыхъ условіяхъ: не говоря уже о свѣтскомъ обществѣ и свѣтской печати, которыя, какъ бы не видя свѣтлыхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности нашего духовенства, слишкомъ внимательны къ его недостаткамъ и энергичны въ порицаніяхъ его,—даже епархіальные архіереи и духовная пресса не всегда оказываютъ поддержку духовенству. „Владыко! поддержите, ободрите наше забытое и забитое духовенство“,—такими словами закончилъ ораторъ свою рѣчь.

Отвѣчая на эту рѣчь, Преосвященный сказалъ приблизительно слѣдующее: „Вы, досточтимый Василій Николаевичъ, затронули вопросъ, особенно близкій моему сердцу. Я самъ вышелъ изъ среды духовенства и съ тѣхъ поръ, какъ началъ жить сознательною жизнью, переживаю и радости и скорбь его. Въ послѣднее время среди духовенства я замѣчаю настроеніе, полное унынія и какой-то озабоченности. Въ виду этого, я считаю своей главной задачей на мѣстѣ новаго служенія—поддержать и ободрить приходское духовенство въ его пастырской дѣятельности. Задача трудная, сложная: священническое служеніе требуетъ подвига, а большинство священниковъ—люди средніе; чтобы средній человѣкъ могъ безъ воздыханій и оглядки нести на своихъ плечахъ бремя священническаго служенія, ему надо быть спокойнымъ за свою семью, надо быть увѣреннымъ въ томъ, что его дѣти будутъ одѣты, обуты, накормлены и воспитаны, а для этого нужны средства. Такъ выдвигается со всей силой необходимость матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства,—дѣло непосильное для одного лица, хотя-бы оно и занимало архіерейскую каѳедру“... Въ заключеніе Владыка обѣщалъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы поддержать близкое его сердцу приходское духовенство въ его пастырской дѣятельности.

Всѣ рѣчи покрывались дружнымъ воодушевленнымъ пѣніемъ многолѣтія преосвященному Димитрію, славному ректору Кіевской Академіи.

Чествованіе продолжалось до 7 час. вечера, закончившись общей задушевной бесѣдой, въ которой вспоминалось незабвенное прошлое Академіи.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

ИЗЪ ИНОЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

Церковно-практическія указанія: 1) о завѣдываніи церковными суммами и ихъ назначеніи, 2) объ устройствѣ сельской библіотеки.

Нерѣдко крестьяне смотрятъ на церковныя суммы, какъ на свою собственность и поэтому претендуютъ на присвоеніе

себѣ права распоряжаться этими суммами по своему усмотрѣнію. Отсюда происходитъ немало недоразумѣній между приходскимъ священникомъ и его прихожанами, когда заходитъ рѣчь о расходованіи церковныхъ суммъ даже на необходимые, законные предметы.

Въ виду этой ненормальности въ отношеніяхъ между священникомъ и его прихожанами, священникъ о. Думанскій, на страницахъ Подольскихъ Епарх. Вѣдом. (№ 16. 17 с/г.) предлагаетъ разъясненіе о завѣдываніи церковными суммами и ихъ назначеніи, вѣроятно, съ цѣлію пересказа этого разъясненія тѣмъ прихожанамъ, которые усвояютъ себѣ права причта и церковнаго старосты въ распоряженіи таковыми суммами. Сущность разъясненія, предложеннаго свящ. о. Думанскимъ, сводится къ слѣдующему: „такъ какъ церковный капиталъ образуется только изъ посильныхъ жертвъ Богу и Божьему храму, то и прихожане должны смотрѣть на него не иначе, какъ на собственность, принадлежащую Богу и храму; тотъ же, кто далъ жертву во славу Божью и на пользу св. храма, тѣмъ самымъ уже совершенно отказался отъ всякихъ правъ владѣнія и распоряженія этимъ приношеніемъ на будущее время... Право на завѣдываніе церковными суммами принадлежитъ тому, кому ввѣрено управленіе дѣлами церковными: мѣстному церковному притчу и его высшей власти, завѣдывающей всѣми мѣстными церквами—епархіальному епископу и собору епископовъ или св. Сѵноду“. Если имъ ввѣряются драгоцѣнныя человѣческія души, то тѣмъ болѣе должны быть довѣряемы церковныя деньги, чтобы они всѣмъ распоряжались по своей власти“ (Апост. прав. 41). Могутъ быть допускаемы (какъ и есть въ дѣйствительности) къ наблюденію за церковными служителями представители прихожанъ—церковный староста и выборныя почетныя лица,—отнюдь не какъ распорядители и хозяева церковнаго имущества, по какъ свидѣтели и помощники при распредѣленіи этого имущества“.

Отмѣтивъ предметы, на которые должны расходоваться церковныя деньги, свящ. Думанскій далѣе указываетъ, что „избытки мѣстныхъ церквей могутъ быть, по справедливости, употребляемы на общія нужды всей помѣстной, областной церкви, а также на вспомоществованіе другимъ бѣднѣйшимъ церквамъ въ разоренныхъ, малонаселенныхъ или пострадавшихъ отъ пожаровъ мѣстностяхъ“. Затѣмъ съ большою подробностію авторъ разъясненія останавливается на указаніи правъ штатныхъ священнослужителей и даже заштатныхъ—престарѣлыхъ и вдовицъ въ пользованіи избытками церковныхъ суммъ на образованіе дѣтей, на устройство причтовыхъ помѣщеній и вообще на обезпеченіе церковнаго причта въ другихъ его нуждахъ“.

Мысль о томъ, чтобы престарѣлые священнослужители и вдовицы имѣли пріютъ въ церковномъ домѣ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Этого требуетъ христіанская признательность къ трудамъ священнослужителей, пока они были во цвѣтѣ лѣтъ и здоровья; этого требуетъ и нравственная польза самихъ прихожанъ, чтобы ихъ духовные отцы и наставники оканчивали свое земное поприще *съ радостію*, а *не воздыхающе* (Евр. 13, 17), и чтобы дѣти ихъ, посмерти отцовъ—кормильцевъ, не были вынуждены чуть не съ нищенской сумой разбрестись по святой Руси. Намъ, по личному опыту, извѣстна отзывчивость самихъ священнослужителей къ вдовамъ и дѣтямъ сиротамъ умершихъ священнослужителей. Имѣемъ въ виду сказать объ обычаѣ, существующемъ въ сѣверныхъ и средней полосы Россіи епархіяхъ, гдѣ на церковной землѣ предоставляется и право вдовамъ и дѣтямъ умершихъ священно и церковно-служителей устроивать свои жилища и при нихъ небольшой огородъ. И думается, что если бы прихожане видѣли подобные примѣры заботливости самихъ духовныхъ о нуждахъ бѣдствующихъ своего сословія, то рѣже поворачивался бы у нихъ языкъ для заявленія правъ, ими не понимаемыхъ или не ясно сознаваемыхъ.

Церковно-практическому вопросу посвящена также замѣтка въ Тамбовскихъ Епарх. Вѣд. (№ 18 с/г.), озаглавленная: „къ вопросу о сельской библіотекѣ“. Составитель ея—г. М-въ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: 1) кто долженъ быть иниціаторомъ и устроителемъ этой библіотеки, 2) каково содержаніе книгъ библіотеки, 3) гдѣ она должна помѣщаться, 4) на какія средства библіотека должна поддерживаться и 5) кто ею долженъ завѣдывать?

Ясно, что устроителями библіотеки въ селѣ могутъ быть мѣстные интеллигенты: священникъ, учитель, мѣстный землевладѣлецъ, но при непремѣнномъ участіи священника, чтобы затѣя эта имѣло значеніе въ глазахъ крестьянина, для котораго авторитетъ „батюшки“ еще не подорванъ. Приказы, циркуляры едва ли принесутъ пользу въ этомъ живомъ дѣлѣ. Можно разослать библіотеки, затратитъ тысячи, а книги будутъ лежать безъ всякаго употребленія, какъ это нынѣ по мѣстамъ усматривается въ жизни волостныхъ библіотекъ.

Вь выборѣ книгъ необходимо считаться съ запросами народа. Если предлагать народу то, что нравится интеллигенціи, что на ея взглядъ хорошо, то легко можно испортить все дѣло. Во всякомъ дѣлѣ свое желаніе, свой вкусъ даютъ значительную долю жизни. Нужно это имѣть въ виду. А народъ любитъ почитать отъ божественнаго, историческаго, нравоучительнаго и полезнаго. Со временемъ, когда народъ разовьется, онъ самъ, можетъ быть, предъявитъ запросы на чтеніе такихъ книгъ, которыя теперь преждевременно предлагать ему.

Сельская библіотека, по мысли г. М—ва, должна помѣщаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе пользоваться книгами. Практика помѣщенія библіотекъ въ волостныхъ правленіяхъ даетъ малоплодные результаты. Еще кто поближе живетъ къ зданію волостного правленія, или обязанъ бывать тамъ часто по должности (волостные судьи, старосты),—тѣ иногда

берутъ книги, если, впрочемъ, есть время у распорядителя, по большей части, волостного писаря для выдачи. Но остальное населеніе, нерѣдко живущее въ разстояніи 10 и болѣе верстъ, книгами отсюда не пользуется. Есть у насъ въ деревнѣ такое центральное мѣсто, гдѣ бываетъ и старъ и младъ,—это приходскій храмъ. При постоянномъ общеніи нашихъ крестьянъ съ церковію, храмъ представляетъ всѣ удобства для пользованія книгами. Пріѣзжаетъ ли съ требою, приходитъ ли къ праздничному богослуженію крестьянъ,—онъ беретъ или обмѣниваетъ книжку. Если устроить народныя библіотеки при сельскихъ храмахъ, онѣ будутъ жизненны.

При такой постановкѣ легко раздобыть и средства для библіотеки. Изъ церковныхъ суммъ, съ надлежащаго разрѣшенія, можно будетъ взять ежегодно 10—15 рублей. И всѣ увидятъ на какое доброе дѣло идутъ церковныя деньги; увѣрены, что найдутся и жертвователи при такомъ порядкѣ скорѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ.

Изъ всего этого ясно, что завѣдуетъ библіотекой священникъ или, подъ его наблюденіемъ, кто либо изъ причта. Другого библіотекаря и быть не можетъ. На священникѣ и причтѣ лежитъ обязанность не только исправлять требы, но и заботиться о наученіи и просвѣщеніи народа. О школьномъ наученіи народа духовенство всегда заботилось, но не слѣдуетъ ограничивать дѣло просвѣщенія одной школой. А легчайшее средство для просвѣтительнаго вліянія на взрослыхъ—организація библіотекъ. Наше учительное съ церковной каѳедры слово много будетъ дѣйственнѣе, если умъ и сердце слушателей будутъ развиты чтеніемъ книгъ.

Ратуйте, сотоварищи, въ указанномъ направленіи, скажетъ вамъ за это спасибо сердечное православный русскій народъ!

Библіографическая замѣтка.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ первый. Книга I. Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность Хомякова. Книга II. Труды Хомякова въ области богословія. В. З. Завитневича. К. 1902 г. стр. XVI+1442+VIII ц. 6 руб.

Вышеозначенный церковно-историческій трудъ, недавно появившійся въ печати, посвященъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ корифеевъ нашего славянофильства. Славянофильство, представляющее важный и любопытный моментъ въ сложномъ историческомъ процессѣ развитія не только русскаго, но и общеевропейскаго самосознанія, доселѣ еще неоцѣнено надлежащимъ образомъ въ нашей церковно-исторической литературѣ. Истинно научное сужденіе о славянофильствѣ, по убѣжденію автора разсматриваемаго сочиненія, станетъ возможнымъ только тогда, когда будетъ приведена въ извѣстность и отчетливо сознана вся сумма философскихъ, богословскихъ, историческихъ и соціальныхъ понятій, выдвинутыхъ корифеями славянофильства, и когда точно будетъ установлено, что̀ въ ученіи славянофиловъ, какъ представителей извѣстнаго направленія жизни и мысли нашего общества, принадлежитъ цѣлой школѣ, и что̀ порождено субъективизмомъ каждаго отдѣльнаго писателя.

Самымъ первымъ и крупнымъ представителемъ нашего славянофильства былъ А. С. Хомяковъ. Въ части обширнаго труда автора онъ изображается пока только въ его жизни и богословско-ученой дѣятельности; систематизація и критическая оцѣнка философско-богословскаго міровоззрѣнія Хомякова должны составить содержаніе второго тома.

Разсматриваемый трудъ, представляющій плодъ талантливаго, серьезнаго, тщательнаго, многолѣтняго и вообще всесторонняго изслѣдованія замѣчательной личности и не менѣе замѣчательныхъ произведеній самороднаго богослова—философа Хомякова, можетъ быть прочитанъ съ несомнѣннымъ интересомъ и пользою и всякимъ пастыремъ церкви. Особеннаго вниманія съ этой стороны заслуживаетъ вторая книга труда, гдѣ излагаются сужденія и взгляды Хомякова по такимъ, напр., капитальнымъ вопросомъ богословія, какъ вопросы: о религіозной вѣрѣ, какъ высшемъ началѣ исторической жизни человѣчества, объ идеѣ провиденціализма и за-

кономѣрности въ примѣненіи къ уразумѣнію историческаго процесса, о значеніи національнаго элемента въ исторіи, о церкви, какъ институтѣ для религіозно-нравственнаго воспитанія личности, *о церковномъ проповѣдничествѣ, о сектантствѣ и средствахъ борьбы съ нимъ* и мн. др. Отъ церковнаго слова Хомяковъ, самъ пробовавшій писать проповѣди, требуетъ, между прочимъ, чтобы оно облекалось въ формы доступныя, знакомыя, близкія меньшей братіи нашей, и обращалось все болѣе и болѣе къ жизни дѣйствительной и къ лицамъ дѣйствительнымъ, а не отвлеченнымъ. На расколъ и великорусское сектантство раціоналистическаго направленія Хомяковъ, который самъ „на всякой святой недѣлѣ не упускалъ случая поспорить съ раскольниками на паперти Успенскаго собора, и они сознавались, чтобъ этому барину быть архіереемъ", смотритъ какъ на реакцію противъ крайности обрядовѣрія въ расколѣ, и въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ сектантамъ, напр., скопцамъ и хлыстамъ признаетъ позволительнымъ употреблять и чисто внѣшнія мѣры борьбы съ ними.

Изъ сказаннаго нетрудно заключить, съ какимъ глубокимъ интересомъ читается трудъ проф. Завитневича, изложенный къ тому же блестящимъ языкомъ.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Отъ Кіевск. духовн. цензур. Комитета печат. дозволяется 26 іюля, 1902 г.
За цензора свящ. *К. Корольковъ.*

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.